

УДК 930.26(470+571)

ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ ВОИНЫ-ПОБРАТИМЫ В КОЧЕВЫХ СРЕДНЕСАРМАТСКИХ НЕКРОПОЛЯХ НИЖНЕГО ДОНА

С.А. Яценко

Аннотация. В курганах кочевников среднесарматского времени в бассейне Нижнего Дона изредка встречаются парные могилы мужчин-воинов до 30 лет, в которых умершие имели сходный ритуал и набор артефактов. Эти детали подчеркивали близость этих мужчин. Они могли быть сверстниками, или же разница в возрасте была до 5 лет. Эти могилы всегда встречены в центральной части некрополей, в курганах с несколькими среднесарматскими могилами мужчин; в них они находились в центре. Оба мужчины хоронились одновременно, часто на необычных специальных носилках. Набор оружия стандартен (короткий меч и стрелы), помещался целый колчан с 70–120 стрелами (у младшего были 1–2 стрелы необычного облика). Эти могилы не грабили (иногда в них проникали с ритуальной целью). Наиболее важен могильник Новый с 4 такими могилами и Перегрузное I с единственной могилой. По социальному статусу пары здесь различались между собой. Это предполагаемые побратимы [ср. Lucian. Tox. 37], которых хоронили вместе после их гибели в военной акции в общине главного из них.

Ключевые слова: сарматы, среднесарматская культура, Нижний Дон, курганные некрополи, парные могилы воинов, побратимы.

Яценко Сергей Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и теории культуры Российского государственного гуманитарного университета, 125993, г. Москва, Миусская площадь, 6, sergey_yatsenko@mail.ru.

PROBABLE WARRIORS – SWORN BROTHERS IN NOMADIC MIDDLE SARMATIAN NECROPOLISES OF THE LOWER DON BASIN

S.A. Yatsenko

Abstract. There have been discovered some rare pair graves of men-warriors under 30 years old in nomadic barrows of the Middle Sarmatian Culture of the Lower Don Basin. They had similar burial rituals and artifacts. Such details emphasized closeness of two dead. They were coevals or not more than 5 years age difference. These graves always took place in the central part of some necropolises, in centers of some barrows with several other male Middle Sarmatian graves. Both men were buried at the same time and often in the unusual specific stretchers. Weapons were standard (a short sword and arrows); a quiver with 70–120 arrows placed there (with 1–2 unusual arrows in it for the younger warrior). These graves were not plundered but some of them visited with the ceremonial purposes. The most important Novy cemetery had 4 such graves and Peregruznoe I had 1 grave. These pairs were differed in social status. They were, probably, sworn brothers [comp. Lucian. Tox. 37]: they have been buried together after their death in the same military actions, in the tribe of the leading sworn brother.

Keywords: Sarmatians, Middle Sarmatian Culture, Lower Don Basin, barrow necropolises, warriors' pair graves, sworn brothers.

Группа погребений в курганах среднесарматского времени (конец I в. до н.э. – середина II в. н.э.), о которых пойдет речь, до сих пор не привлекала специального внимания коллег. Между тем, несмотря на свою малочисленность, они заслуживают, на мой взгляд, детального изучения. Используются комплексы, изучавшиеся специалистами-антропологами. Речь пойдет о вероятной локальной особенности степей нижнедонского бассейна: это могилы с парой мужчин-воинов 18–30 лет, причем в каждой паре погребальный обряд и набор вещей и детали ритуала как бы подчеркивают близость обоих умерших. В этих парах представлены либо сверстники, либо молодые мужчины, имеющие разницу в возрасте до 5 лет [Батиева, 2011, табл. 7]. К сожалению, генетический анализ костных материалов в двух изучаемых некрополях не делался и, вероятно, никогда не будет сделан. Однако это не может служить принципиальным препятствием для выявления интересующих нас аспектов могил данной группы¹.

Особый интерес представляет собой единственная из известных серия из четырех подобных погребений в самом крупном в среднесарматское время могильнике *Новый* на р. Сал (со 197 погребениями этой культуры) [Ильюков, Власкин, 1992, с. 69–70, 82–83, 92–93, 96]. Интересно само размещение курганов с этими погребениями в составе некрополя. Они известны только на ранней его стадии, характеризовавшейся множеством явных признаков повышенной военной угрозы для коллектива [Яценко, 2016, с. 314–317, рис. 2]. Курганы с такими погребениями расположены в раннем некрополе Нового во всех трех его частях – по одному в южной и центральной и парой рядом стоящих – в центре наиболее многочисленного северного скопления (курганы 79 и 80). Если же рассматривать планировку могильника в целом, то они расположены в центральной части основной линии курганов, вытянутой по линии север – юг (рис. 1, I). В этом некрополе всего ограблено 38 % погребений, а из наиболее многочисленной группы молодых мужчин-воинов – половина [Яценко, 2013, с. 28]. Однако наша группа умерших имеет другую статистику: три из четырех могил остались нетронутыми, а в единственной нарушенной проникновение можно назвать «ограблением» без сомнений.

Бросаются в глаза и другие характеристики умерших воинов из этих могил.

1. Все подобные парные погребения известны только в таких курганах, где кроме них похоронено еще несколько взрослых (и только раннего этапа), причем все они – только мужчины. **2.** При наличии нескольких погребений взрослых в каждом кургане эти парные могилы молодых воинов во всех случаях были

¹ Жесткую позицию заняла в мае 2016 г. при обсуждении данного вопроса антрополог М.А. Балабанова (недавно получившая редкий грант на подобные исследования в соседнем Нижнем Поволжье): либо крайне маловероятный и дорогостоящий генетический анализ, либо полный отказ даже от гипотетических суждений о сущности подобных парных воинских захоронений. Это, думается, крайность: ведь ясно, что шанс у костных останков рассматриваемых погребений быть исследованными подобным образом практически нулевой, и они рассыпаются в музейных фондах, так и не дождавшись его...

центральными в кургане. **3.** Все эти могилы, по наблюдениям раскопщиков, были одновременными. **4.** У этих умерших, в отличие от многих воинов раннего этапа, никогда не представлены какие-либо обряды с оружием [ср. Яценко, 2016, с. 317, прим. 2]. **5.** Для этих воинов характерен стандартный набор оружия (короткий меч и колчан со стрелами), в то время как у 14 воинов из 35 в Новом видим лишь один меч. Здесь нет ни копий, ни доспеха, ни боевых ножей. При этом, в отличие от большинства умерших воинов, мы имеем дело не с символическим замещением колчана со стрелами несколькими их экземплярами с кучках (от 3 до 20–30), а именно с колчаном, полным стрел (от 70 до 120 штук)². **6.** Во всех случаях, когда один воин в паре был младше другого, в колчанном наборе первого были 1–2 стрелы необычного облика³. **7.** Большинство умерших этой группы (5 из 8) были помещены в подбой с высоким сводом в специальных носилках из продольных и поперечных досок (что характерно в Новом лишь для мужчин-воинов) [Ильюков, Власкин, 1992, с. 183]. Кроме трех из четырех изучаемых могил такой редкий обряд зафиксирован в Новом только в одном погребении⁴. Нумерация курганов данной группы раскопщиками соответствует их размещению в цепочке с юга на север. Всем умершим поместили в виде мясной пищи ногу овцы.

Курган 59 был из категории обычных для данного могильника низких (ниже 0,4 м, в данном случае – 0,2 м) и содержал три сарматских могилы этого времени (одна из них принадлежала девочке до 10 лет). В его могиле 3 (рис. 2, 1) были два подбоя (без ступенек) в южной стенке; в них были похоронены два сверстника в возрасте 18–20 лет с раздвинутыми ногами. У юноши из западной камеры стрел в колчане было 118, у его напарника в восточной – 87 (в последнем случае все их древки были окрашены в красный и голубой цвета), оба колчана размещали у правого плеча. В первом случае кроме оружия у умершего были простая поясная пряжка и краснолаковый горшок, во втором – уздечка, фрагмент крупного зеркала (видимо, символизировавший его связь с некой женщиной) и кувшин, а все древки стрел были окрашены в красный и голубой цвета. Трудно сказать, кто в этой паре был более значимым (по набору помещенных атрибутов им выглядит юноша из восточной камеры; однако у его сверстника у единственного были носилки и заметно больше стрел в колчане).

Курган 70, высотой 0,7 м, был насыпан в бронзовом веке и в него были впущены три сарматских могилы данного периода. В его могиле 5 (рис. 2, 2) были два подбоя разной формы (без ступенек) в противоположных западной и восточной

² Для сравнения приведу типичный крупный некрополь той же культуры Усть-Каменка в низовьях Днепра, где из 21 могилы с оружием колчан, полный стрелами, обнаружен лишь в одной [Костенко, 1993].

³ В Новом в кургане 70 древко одной стрелы было красным. В кургане 80 два древка были окрашены в красный и голубой цвета. В кургане 79 одна стрела была не черешковой, а втульчатой (см. ниже).

⁴ Речь идет об одиночном погребении 4 кургана 67. В обеих воинских могилах этого кургана (не грабленных) обнаружен такой важный элемент, как семейные знаки-тамги на поясе (могила 4) и узде (могила 5) [Яценко, 2016, с. 317].

стенках; в них были похоронены молодые мужчины, оба – на носилках, припорошенных мелом. В западном подбое пятиугольной формы лежал старший по возрасту (20–25 лет), в восточном, овальном – юноша 18–20 лет. Оба подбоя были потревожены в древности, но в обоих случаях на месте были оставлены многие ценные вещи, и костяки были смещены частично (в первом случае пострадал больше район ног, во втором – головы – плеч); возможно, это проникновение носило *ритуальный* характер и, несомненно, произошло несколько лет спустя (когда металлические изделия стали уже довольно хрупкими). У старшего в западном подбое *in situ* остался парадный пояс с золотой литой пряжкой с изображением двух голов грифонов и двумя рядами раковин-каури, меч в красных ножнах с массивными золотыми заклепками и более 80 стрел в колчане у плеча. У младшего были железная пряжка с золотой аппликацией, 110 стрел (больше) у правого плеча (древко одной из них окрашено в красный цвет), и был помещен клинок кинжала без ручки (единственный случай). У обоих умерших, видимо, были изъяты и разбиты бронзовые котлы (в подбоях оставили при этом по несколько обломков), что, возможно, было частью некоего ритуала.

Курган 79 высотой 0,5 м был создан в эпоху бронзы; в него были впущены две сарматских воинских могилы. В его могиле 7 (рис. 2, 3) в смежных юго-западной и юго-восточных стенках были два подбоя; в них были похоронены молодые мужчины, оба – без носилок. В юго-восточном, более широком, без ступенек, дно было покрыто тростником; здесь помещался старший по возрасту мужчина 25–30 лет, ноги которого были сложены ромбом. Железная пряжка его пояса была с золотой аппликацией; пояс сопровождал и декорированный железный наконечник ремня. В колчане помещались 69 стрел; в ногах был кувшин. В юго-западном, более широком подбое со ступенькой погребен юноша 18–20 лет; у него были два пояса. Первый (верхний) имел кольцевидную бронзовую пряжку. Под нею лежала пряжка второго пояса с золотой аппликацией, аналогичная найденной в первом подбое, и сходный наконечник ремня. В его колчане было больше стрел (86), среди них кроме обычных черешковых была одна втульчатая. В ногах его также стоял кувшин, между ног – миниатюрная кружечка.

Курган 80, наиболее высокий (высотой 1,1 м), был насыпан в бронзовом веке, и в него были впущены четыре сарматских могилы данного периода. В могиле 7 (рис. 2, 4) были два подбоя сходной формы в противоположных юго-западной и северо-восточной стенках; в них были похоронены мужчины, оба – на носилках, ноги их сложены ромбом. В юго-западном (со ступенькой) подбое был помещен старший по возрасту (25–30 лет). Меч лежал между ног; в колчане было 100 стрел. В ногах стояли закопченное римское бронзовое ведро с костями овцы и кувшин. В северо-восточном погребен юноша 20–25 лет; его меч лежал, в соответствии с «нормой», у правого бедра. В ногах был кувшин, в колчане красного цвета находилось более 90 стрел (по одному их древку окрашены в красный и голубой цвета). В этой могиле старший, возможно, выделялся в погребальном ритуале наличием импортной металлической посуды.

Еще одно подобное парное погребение известно в среднесарматском сегменте могильника *Перегрузное I* у большой излучины Дона. Курган 37 с единственной и нетронутой могилой (рис. 1, 2) размещался в центральном скоплении курганов того времени, между двумя ограбленными и самыми высокими элитарными курганами 45 и 51. В соседнем кургане 38 было единственная в тогдашнем некрополе могила воительницы (также не грабленая) [Яценко, 2016, с. 313]. В яме лежали два сверстника 20–25 лет, сопровождаемые каждый мечом у правого бедра и символическим пучком стрел у правого плеча (рис. 3). У западного (костяк 2) было больше стрел (более 23), несколько более длинный клинок меча (обломан), простой оселок, на поясе – железная пряжка. Специальное исследование костей показало, что они (правое плечо и левое бедро) у этого мужчины были основательно обглоданы зубами хищников [Балабанова и др., 2014, с. 239]; видимо, труп некоторое время лежал в поле (после сражения?). Со вторым умершим положено всего 6 стрел и орнаментированный гончарный кувшин.

Итак, интересующие нас парные могилы выявлены в низовьях Дона, и при этом – в его периферийных районах, относительно удаленных от зон размещения могил царского и княжеского ранга. Попытаемся понять, какая социальная реальность скрывается за этой очень редкой формой воинских погребений.

Нам представляется наиболее вероятным отнесение таких парных могил со сверстниками или мужчинами с возрастной разницей в несколько лет к широко распространенным в кочевом мире *побратимам* (*названным братьям*). Лукиан [Lucian. Tox., 37] утверждает, что у скифов (или более позднего народа, скрывающегося под этим именем) невозможно иметь одному известному воину более двух названных братьев из-за очень серьезных пожизненных обязательств, накладываемых такой дружбой. С другой стороны, казалось бы, в многодетных семьях кочевников должно было быть множество близких по возрасту кровных братьев, и их ближайшее родство должно было ярко отразиться в погребальном обряде разных сарматских культур и локальных группировок. В действительности ничего подобного мы не наблюдаем, и немногие парные могилы описываемого типа лишь подчеркивают особое значение этих могил в местном социуме.

Судя по тому, что во всех случаях предполагаемые побратимы похоронены одновременно (в то время как в обычной жизни они жили в разных общинах), речь идет об их совместной гибели в некоей военной компании и о вероятном захоронении на территории проживания старшего побратима (что создавало, конечно, ряд технических проблем и требовало определенного ритуала). Именно эти сложности и объясняют, на мой взгляд, тот факт, что такой ритуал бытовал у немногих кочевых групп и лишь одного региона.

В Новом мы видим вероятных побратимов как в бедной могиле в невысоком кургане 59, так и в погребениях, содержащих вещи из золота или с золотым декором, с римской металлической посудой и т.п. в курганах 79, 80 и особенно 70. Вполне

естественной для побратимов была именно дружба между сверстниками или мужчинами всего с несколькими годами возрастной разницы. Характерно, что в обрядности и инвентаре таких пар очень много общих деталей и нет резких статусных различий. Эти погребения не назовешь роскошными.

Для раннего этапа следующей, позднесарматской культуры в тех же низовьях Дона можно предположительно отнести к побратимам парную катакомбную могилу III в. н.э. из погребения 11 2006 г. из раскопок С.М. Ильяшенко в западной части некрополя Танаиса [Гаврилова, 2008, с. 31–32]. К сожалению, антропологическое изучение этого комплекса пока не проводилось. Обоим воинам в могилу положены длинные мечи, удила с золотыми пронизками и металлические украшения пояса. Одному из них (или обоим?) была положена деревянная чаша. Единственным элементом ритуала, имеющим греческое происхождение, здесь были имитации «обола Харона».

Таким образом, небольшая серия до сих пор «не интересных» для коллег среднесарматских воинских погребений приоткрывает для нас завесу еще одной тайны, окружающей воинскую субкультуру ранних кочевников Степи.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

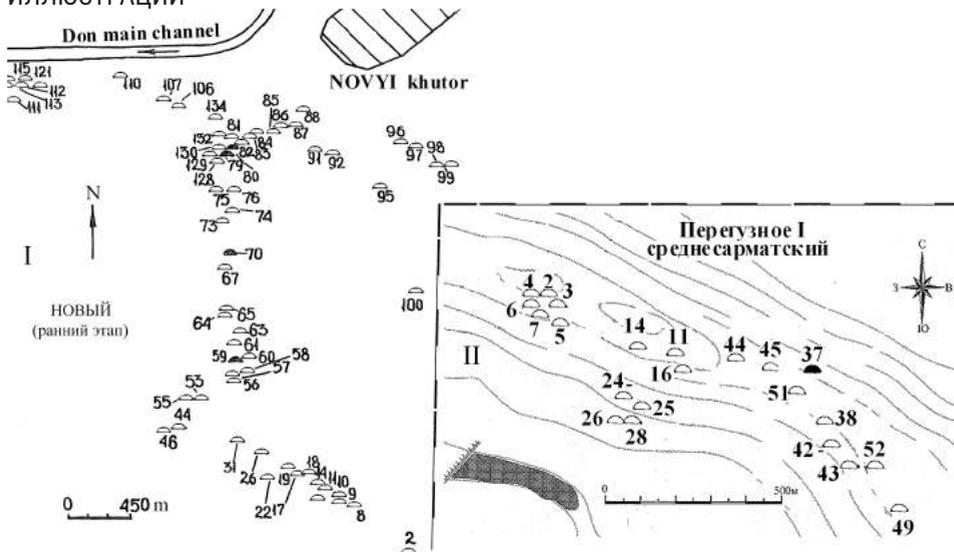

Рис. 1. Некрополи среднесарматской культуры с размещением курганов вероятных побратимов (выделены черным): I – Новый; II – Перегрузное I

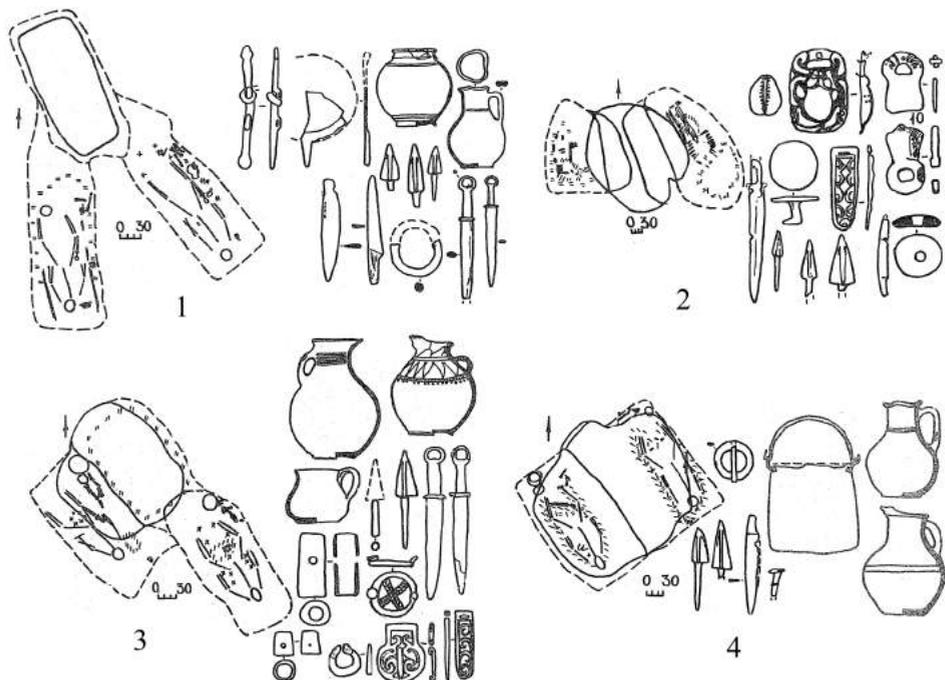

Рис. 2. Парные могилы вероятных побратимов в некрополе Новый: 1 – курган 59, погребение 3; 2 – курган 70, погребение 5; 3 – курган 79, погребение 5; 4 – курган 80, погребение 7

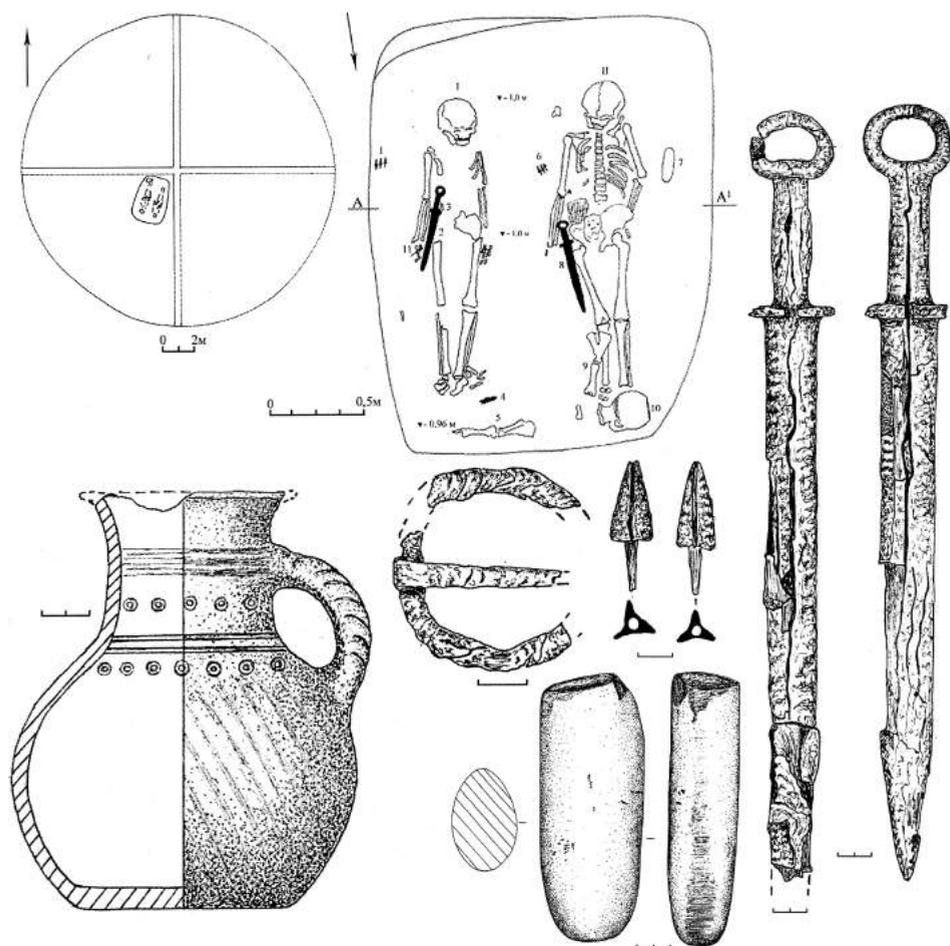

Рис. 3. Погребение предполагаемых побратимов в некрополе Перегрузное I (курган 37)

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Балабанова М.А., Перерва Е.В., Клепиков В.М., Кривошеев М.В., Демкин В.А., Ельцов М.В., Скрипкин А.С., Удальцов С.Н., Яворская Л.В., Дьяченко А.Н. Курганный могильник Перегрузное I: результаты междисциплинарных исследований. Волгоград: Изд. ВФ РАНХиГС, 2014. 360 с.

Батиева Е.Ф. Население Нижнего Дона в IX в. до н. э. – IV в. н. э. (палеоантропологическое исследование). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 159 с.

Гаврилова Д.А. Воинское погребение III в. н.э. в некрополе Танаиса // IV межвузовская археологическая конференция студентов и аспирантов юга России (тезисы докладов). Ростов н/Д: НОЦ «Археология», 2008. С. 31–33.

Ильюков Л.С., Власкин М.В. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1992. 289 с.

Костенко В.И. Сарматы в Нижнем Поднепровье (по материалам Усть-Каменского могильника). Днепропетровск: Видавництво ДДУ, 1993. 152 с.

Яценко С.А. О сарматских ограблениях синхронных курганов // *Теория и практика археологических исследований*. 2013. № 2. С. 25–41.

Яценко С.А. К изучению планиграфии крупных сарматских некрополей // *Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии: материалы IX Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», посвященной 100-летию со дня рождения Константина Федоровича Смирнова*. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. С. 311–319.

REFERENCES

Balabanova M.A., Pererva E.V., Klepikov V.M., Krivosheev M.V., Demkin V.A., Eltsov M.V., Skripkin A.S., Udaltsov S.N., Yavorskaya L.V., Dyachenko A.N. *Kurgannyi mogil'nik Peregruznoe I: rezul'taty mezhdistitsiplinnykh issledovaniy* [Peregruznoe I Barrow Cemetery: the Results of Interdisciplinary Studies]. Volgograd: VF RANKhiGS, 2014. 360 p. (in Russian).

Batieva E.F. *Naselenie Nizhnego Dona v IX v. do n.e. – IV v. n.e. (paleoantropologicheskoe issledovanie)* [Lower Don Basin Population in the 9th c. BC – the 4th c. AD (the Paleoanthropological Study)]. Rostov-on-Don: SSC RAS Publ., 2011. 159 p. (in Russian).

Gavrilova D.A. Voinskoe pogrebenie III v. n.e. v nekropole Tanaisa [Warriors' Grave of the 3rd c. AD in the Necropolis of Tanais], in: *IV mezhvuzovskaya archeologicheskaya konferentsiya studentov i aspirantov yuga Rossii (tezisy dokladov)*. Rostov-on-Don: Scientific Educational Centre "Arkheologiya", 2008. P. 31–33 (in Russian).

Ilyukov L.S., Vlasikin V.V. *Sarmaty mezhdurechya Sala i Manycha* [Sarmatians of the Sal and Manych Interfluve]. Rostov-on-Don: Rostov State University Publ., 1992. 289 p. (in Russian).

Kostenko V.I. *Sarmaty v Nizhnem Podneprovie (po materialam Ust'-Kamenskogo mogil'nika)* [Sarmatians of the Lower Dnepr Basin (on Ust'-Kamenka Necropolis)]. Dnepropetrovsk: Vidavnitstvo Dnepropetrovskogo derzhavnogo universitetu, 1993. 152 p. (in Russian).

Yatsenko S.A. O sarmatskikh ogrableniyakh sinhronnykh kyrganov [Synchronous Robberies in Sarmatian Barrows], in: *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*. 2013. No 2. P. 25–41 (in Russian).

Yatsenko S.A. K izucheniyu planigrafii krupnykh sarmatskikh nekropolei [On Planigraphy Studies of Big Sarmatian Necropolises], in: *Konstantin Fedorovich Smirnov i problemy sarmatskoi arkheologii. Materialy IX mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Problemy sarmatskoi arkheologii i istorii", posvyashchenoi 100-letiyu so dnya rozhdeniya Konstantina Fedorovicha Smirnova*. Orenburg: Izdatel'stvo Orenburg State Pedagogical University Publ., 2016. P. 311–319 (in Russian).